

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

© 1991 г.

МАКОВСКИЙ М. М.

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА ФРИДРИХА НИЦШЕ И СОВРЕМЕННЫЕ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ(В связи с выходом книги: *Crawford C. The beginnings of Nietzsche's theory of language.* В.; N. Y., 1988. 312 p.)

В истории науки есть имена и теории, которые, произведя «переоценку ценностей» в определенной области знаний, по тем или иным причинам долгое время остаются в забвении или просто игнорируются. Именно такая участь постигла лингвистическую концепцию известного немецкого ученого-энциклопедиста Ф. Ницше (1844—1900). Блестящий эрудит, яркая индивидуальность — мыслитель, социолог, психолог, семиолог, искусствовед, лингвист и литератор — Ф. Ницше внес огромный вклад в развитие культуры: его учение не только оказало, но и до сих пор оказывает глубокое влияние на развитие философской мысли, музыки, искусства, эстетики, семиотики и лингвистики в Европе и в Америке. По странному стечению обстоятельств, однако, идеи Ф. Ницше о языке до самого последнего времени оставались в тени. Лишь в последние десятилетия в западноевропейской специальной литературе стали появляться исследования, посвященные отдельным аспектам его лингвистической деятельности [1—11], ср. [12].

Ф. Ницше был по преимуществу не языковедом, а философом языка. В своих набросках к работе «Гомер и классическая филология» он отмечал: «Как раз потому, что язык — это наиболее повседневное явление, необходим философ, который занялся бы его изучением, — и как феномена, интересного по своей сущности, и просто как средства создания интересных мыслей». В этой связи выдающийся французский эпистемолог М. Фуко писал: «Непосредственно и самостоятельно язык вернулся в поле мысли лишь в конце XIX в. Можно было бы сказать, что в XX в., если бы не было Ницше-филолога (а он в этой области был столь мудрым, знал так много, писал такие хорошие книги), который первым подошел к философской задаче глубинного размышления о языке.

И вот теперь в том самом философско-филологическом пространстве, которое открыл для нас Ницше, внезапно появляется язык во всем своем загадочном многообразии, которым надо было овладеть... Вполне может быть, что все вопросы, которые действительно возбуждают наше любо-

пытство (Что такое язык? Что такое знак? Говорит ли все то, что безмолвствует в мире, в наших жестах, во всей загадочной символике нашего поведения, в наших снах и наших болезнях,— говорит ли все это и на каком языке, сообразно какой грамматике? Все ли способно к означению — если нет, то, что именно? — и для кого и по каким правилам? Каково отношение между языком и бытием, и точно ли к бытию непременно обращается язык — по крайней мере тот, который поистине говорит? И что такое тот язык, который ничего не говорит, никогда не умолкает и называется литературой?),— вполне может быть, что все эти вопросы возникают ныне... (как) ответы на вопросы, поставленные в философии Ницше» [13], ср. [14].

Эти слова М. Фуко, которые сжато отражают основные моменты философии языка Ф. Ницше, избраны автором рассматриваемой монографии — американской исследовательницей К. Кроуфорд — в качестве эпиграфа к своему труду. М. Фуко продолжает: «Вся любознательность нашей мысли вмещается теперь в вопрос: что такое язык? Как охватить его и выявить его собственную суть и полноту?... Можно ли здесь предчувствовать рождение, начало нового дня, который едва возвещает о себе первым лучом света, но позволяет уже догадываться, что мысль (та самая мысль, которая говорит уже тысячелетия, не ведая ни того, что она говорит, ни того, что вообще значит говорить) уже близка к тому, чтобы уловить самое себя во всей своей целостности и вновь озариться молнией бытия. Не это ли подготовил Ницше, когда внутри своего собственного языка он убил разом человека и бога и тем самым возвестил одновременно с Возвратом многообразный и обновленный свет новых богов?» [14, с. 396].

Ученик Канта и Шопенгауэра, Ницше в своей философии придерживается идеализма. Он отмечал, что нет ничего внешнего, чему бы не соответствовало что-либо внутреннее: каждый атом имеет соответствующую «душу». Однако лишь Воля существует и живет, внешний же мир лишь я в л я е т с я и п е р е в о п л о щ а е т с я во множество форм, возникающих бессознательно, инстинктивно. Ницше отмечал, что по мере отражения одного символа Воли в другом, одного образа Воли в другом связь слова с исходным символом, отраженным в феномене, становится все слабее. «Механицизму» физических наук Ницше противопоставляет «внутреннюю Волю», «волю к власти», т. е. неутолимое желание проявлять силу, понимаемую как творческое побуждение (Treiben). Ницше говорил о возможности «случайной целесообразности» в природе и в языке в противоположность Воле, которая имеет определенную конечную цель, реализуемую борьбой между болью, страданием и удовольствием, наслаждением. Категории пространства, времени и каузальности, по Ницше, существовали д о и н а х о д я т с я з а п р е д е л а м и человеческого сознания.

У Ф. Ницше нет работ, специально посвященных проблемам языка, если не считать фрагмент «О происхождении языка», написанный в 1869—1870 гг. и задуманный в качестве введения к курсу латинского языка, который Ницше читал в Базеле. Высказывания Ницше о языке органически вплетаются в общую канву его философской системы.

Рассматриваемая работа К. Кроуфорд во главу угла ставит т е к с т о в о е и с с л е д о в а н и е философских работ учителей и современников Ницше — не только философов, но и естествоиспытателей, физиков (труды Э. фон Гартманна, А. Шопенгауэра, И. Канта, Гербера, Ф. Ланге, Ч. Дарвина и др., ср. [15]) — и установление влияния этих работ на языковую концепцию Ф. Ницше в различные периоды его научной дея-

тельности¹. Книга К. Кроуфорд состоит из Предисловия, Введения, четырнадцати глав (с. 17—221), а также двух приложений, (с. 221—305), в первом из которых английские переводы исследованных в книге К. Кроуфорд текстов Ницше сопоставляются с немецкими оригиналами, а в последнем приводятся 12 «генеалогических узлов» (genealogical nodes), т. е. суммируются основные вопросы лингвистики, которыми занимался Ницше (с. 295—297). Даются также предельный указатель и указатель имен. К. Кроуфорд старается показать творческую лабораторию Ф. Ницше — эволюцию его лингвистических взглядов, переработку идей авторов, с которыми он знакомился в процессе своей научной жизни. Она указывает, что многие мысли, которые Ницше находил у Шопенгауэра, Гартманна и Гербера [15], ранее возникали у самого Ницше, но в несколько ином виде; при этом в ряде случаев Ницше не соглашался или соглашался не полностью с тезисами прочитанных им философских сочинений своего времени, дополнил, переформулировал, а то и вовсе отвергал их.

В работах Ф. Ницше² можно проследить сложную, постоянно модифицируемую и развиваемую ко н ц е п ц и ю я з ы к а, неизменно рассматриваемого им на фоне всеобщего знания (эпистемологии). В своих работах он исследует возможные решения проблемы происхождения языка, соотношение суждения и предложения (логического и грамматического субъекта и предиката), различных характеристик языка как особого человеческого феномена, взаимоотношения между языком, человеческим сознанием и возможностями познания мира (онтология знания и сознания), рассматриваемых сквозь призму его волюнтаристского мировоззрения, вопросы языковой семиотики.

Рассматривая язык в его целостности и отдельности как часть природы, как организм, в рамках которого происходит постоянная борьба (чаще всего бессознательная), где имеются «победители» и «побежденные» (Ф. Ницше считал, что в основе различных ментальных и языковых процессов лежит биологический, или физиологический субстрат), Ф. Ницше весьма близко подходит к установлению изоморфизма между языком (и в частности, его семиотическим кодом) и генетическими процессами в органическом мире [12]. Следует иметь в виду, что Ф. Ницше получил классическое образование, в связи с чем он прекрасно знал не только античные теории языка, но и философские системы Древней Греции (в частности, космогонию Эмпедокла) и Рима. Ф. Ницше был современником Г. Менделя (1822—1884) и, как показывают его со-

¹ К. Кроуфорд исследует в своей книге ранний период деятельности Ф. Ницше (1863—1874). При этом в центре ее внимания находятся работы Ф. Ницше, не предназначавшиеся им для печати (они приводятся по изданию [16]; другие издания работ Ф. Ницше см. [17—19]). Следует отметить, что именно на ранний период его творчества, когда юный Ницше читал, конспектировал и осмыслял работы своих учителей и современников, приходится наибольшее число его высказываний о языке. В более поздних (особенно в классических) работах Ницше количество теоретических обобщений относительно языка резко падает, хотя в этих работах есть много рассуждений о пользе и «вреде» изучения иностранных языков (Ницше считал, что знание иностранных языков неизменно снижает уровень владения родным языком), о «чистоте» немецкого языка и «искусстве» владения им (его кумиром в этом отношении был Гете). Кроме того, отдельные работы Ф. Ницше посвящены пуризму в языке, убежденным сторонником которого он был, и проблемам языкового стиля.

² Кроме ранних набросков, анализируемых в книге К. Кроуфорд, отрывочные высказывания относительно языка можно обнаружить в следующих классических работах Ф. Ницше: «Über Musik und Wörter» (1871); «Über Wahrheit und Lüge im aussermoralischen Sinne» (1873); «Zur Genealogie der Moral» (1887); «Götzendämmerung» (1889); «Also sprach Zarathustra» (1883—1885); «Jenseits von Gut und Böse» (1886); «Esse Homo» (1890).

чтения, был хорошо знаком с теорией Ч. Дарвина, которая оказала на него большое влияние. Он отмечает, например, что одни элементы языка отмирают, а другие постоянно нарождаются, причем этот процесс носит периодический, волнообразный характер. В языке постоянно происходит естественный отбор; так называемая «Воля к власти», которая, по мнению Ницше, лежит в основе не только жизни органического мира, но и является непременным атрибутом языковых феноменов, проявляется в различных «комбинациях сил» — носители одних из этих комбинаций «обороняются» против более сильного, носители же других — «нападают» на более слабого. Ницше отмечает, что эволюцию системы знаков (как, впрочем, и любого объекта, обычая, органа) «никоим образом нельзя считать продвижением к какой-либо цели (это особенно относится к „прогрессу“ в логике) наикратчайшим путем и с наименьшей затратой сил — речь может идти о последовательности более или менее глубоких, более или менее взаимонезависимых процессов воздействия (подчинения) и о неодинаковом противодействии, которое они встречают, о трансформациях как защитных реакциях и о результатах взявших верх контрдействий. Форма — расплывчата, а значение — тем более» [20, с. 77—78]. Эволюция — это «непрерывная знаковая цепь постоянно меняющихся интерпретаций и адаптаций, причинные связи которых не следует соотносить друг с другом; наоборот — в некоторых случаях эти объекты следуют друг за другом и альтернируют на совершенно случайной основе» [20, с. 78]³. Последнее высказывание особенно интересно в связи с наблюдаемыми в природе стохастическими («мутационными») процессами. Ницше указывает и на то, что в результате действий и противодействий, постоянно происходящих в природе, создаются новые «ценности» и вообще возникает «переоценка ценностей». Язык рассматривается Ницше как действие, как активное, созидающее, творческое, вечно обновляющееся начало, развивающийся организм (ср. непрерывный творческий процесс создания метафор и метафор от метафор, рассматриваемых как образ образа, символ символа), который в процессе своего развития стремится к оптимализации, в связи с чем одни, более «сильные» (доминантные) свойства, качества, признаки отесняют другие — более «слабые» (рецессивность), хотя на другом этапе эволюции роль отдельных элементов может меняться — ранее рецессивные единицы становятся доминантными, а доминантные — рецессивными. При этом предпосылки возникновения того или иного состояния заложены в предшествующем состоянии: один символ является как бы «беременным» другим символом, образом, метафорой. Ницше указывает, что наряду с определенным круговоротом в природе существует и круговорот тех или иных постоянно повторяющихся, циклических состояний языка. Он подчеркивает, что телеологически направленное явление (феномен) может возникнуть и бессознательно. Словотворческий процесс — это постоянное перевоплощение «абсолютной идеи», «абсолютной Воли», *Ur-Eine*, т. е. «вечной души» слов в бесконечном множестве преходящих форм (представлений), из которых актуализируются лишь некоторые. Языкотворческий процесс — это проявление бесконечного в конечном, вечного

³ В этой связи следует отметить, что лингвистическая (как и любая другая) теория [в первоначальном значении этого слова, представленном в греческом и в латинском, а именно в смысле «созерцание», «видение» (*Anschauung*)] у Ницше — это прослеживание трансформаций и перегруппировок элементов, непрерывного создания новых форм и новых значений, в большей или в меньшей степени отражающих *Ur-Eine* («Воля» у Шопенгауэра, «вещь в себе» у Канта). При этом, как отмечает Ницше, самое глубокое философское знание заранее задается языком.

во временном. Следует в связи с этим иметь в виду известную антиномию В. фон Гумбольдта, согласно которой язык — это одновременно и *ἐνσφύσεια*, и *ἔρως*. Учение Гумбольдта, как и учение Дарвина, несомненно, оказало большое влияние на концепцию языка Ницше (к сожалению, о влиянии Гумбольдта на Ницше ничего не говорится в книге К. Кроуфорд).

Огромное значение для развития не только природы, но и языка, как указывает Ницше, имеет принцип дополнительности, комплементарности. Согласно Ницше, «вещь в себе» предстает в своем единстве, что отражается в согласованности всех явлений (феноменов). Все части природы «тянутся» друг к другу, ибо существует единая Воля. Принцип дополнительности в языке проявляется не только в пределах отдельного слова (дополнительная дистрибуция формы и значения как необходимое условие образования «живой клетки» языка), т. е. по вертикали, но и в пределах того или иного лексико-семантического континуума, где вертикальный генетический цикл (изменение определенной формы и/или определенного значения в пределах лингвистического времени и пространства) нередко «корректируется». В этой связи необходимо отметить несоответствие между количеством и качеством значений, требуемых ограниченным набором форм, и количеством и качеством форм, требуемых этими значениями. Та или иная форма и/или то или иное значение, бытующие в языке, на определенном этапе своего существования могут остаться в языке лишь в том случае, если в него войдет определенная форма и/или значение или, наоборот, если определенная форма и/или значение выйдут из языка. Одни формы и значения требуют определенного дополнения в языковой системе (пассивные единицы), другие же, наоборот, сами дополняют те или иные языковые реалии (активные единицы). При этом в пределах языкового континуума та или иная языковая единица может иметь сложные связи, выступая одновременно и как пассивная, и как активная (например, единица А может требовать наличия или отсутствия В, но В не требует А; А может требовать наличия В, а В может требовать отсутствия А; А может требовать В, но В может требовать С, которое в свою очередь требует наличия или отсутствия D). Таким образом, всякая совместимость — это одновременно и несовместимость, всякое разъединение есть одновременно и соединение положительного и отрицательного полюсов. Одни элементы вообще никак не обуславливаются данным континуумом и существуют как бы во «взвешенном состоянии» только благодаря наличию или отсутствию в этом континууме тех или иных других языковых единиц; одни языковые единицы требуют для своего существования несколько и других единиц, а несколько единиц могут удерживаться в континууме наличием или отсутствием лишь одной единицы. Таким образом, можно наблюдать не только определенное кратное распределение форм и значений в синхронии и в диахронии [доминантность форм при рецессивности значений (омонимия) или доминантность значений при рецессивности форм (синонимия)], но и кратное распределение запретов и разрешений, реализуемых в неодинаковых формах и значениях. При этом запреты обычно доминируют в языке над разрешениями; в противном случае наступает энтропия. Следовательно, можно говорить о доминантности запретов одних и тех же значений со стороны неодинаковых форм и о доминантности запретов одних и тех же форм со стороны неодинаковых значений.

Идеи Ницше об изоморфизме языкового и генетического кодов нашли отражение в классической работе Р. Якобсона [21] и были развиты по-

следующими исследователями [22—27], в частности представителями группы формальной лингвистики Парижского университета (ср. их тезис о значении как о «реакции» [26]).

В работе «Генеалогия морали» Ницше рассматривает язык как «игру» активных («Воля к власти») и реактивных сил, как действие и противодействие. Он прослеживает изменения значений как трансформации определенных культур в языковую форму и, наоборот, — трансформацию языковых форм и ценностей в человеческую культуру, мировоззрение (возникновение различных концептуальных «миров», различных видов экзегеза на основе разрушения одних систем слов и создания новых: слова, согласно Ницше, имеют как разрушительную, так и созидательную силу), на основе искусства, метафоризации, иносказательности, символики. При изучении слов с исторической и генеалогической точек зрения они предстают, согласно Ницше, не как простые дескрипторы событий, а как сущности, непосредственно формирующие события. В этой связи Ницше стремится, с одной стороны, проследить изменения значений в рамках интерпретации событий человеком, т. е. перевода этих событий в языковую форму, и, с другой стороны, выяснить, каким образом языковые формы и ценности трансформируют и формируют человеческие культуры. Он изучает эволюцию различных видов человеческой морали (ср. выделяемые Ницше так называемые «Herdenmoral» и «Hergrenmoral») на основе этимологического анализа целого ряда слов [28] со значениями «плохой» — «хороший», «добро — зло; вина, угрызения совести» и пр. (ср. лат. *bonus*; нем. *gut*; греч. *ἀγαθός, ἐσθλός* — лат. *malus*; греч. *δαιμόνιος, πονηρός, μοχθηρός* и др. Фактически Ницше устанавливает определенные ряды тесно связанных между собой значений, т. е. семантические универсалии — пластическую непрерывность, движение значения, которое само по себе воплощено в различных представлениях, образах и метафорах (переоценка ценностей). Как отмечает М. Фуко, «для Ницше речь шла не о том, чтобы знать, каковы добро и зло сами по себе, но о том, кто обозначается или, точнее, кто говорит, коль скоро словом *Agathos* люди обозначают самих себя, а словом *Deilos* — других людей. Потому что именно здесь, в том, кто держит речь и, еще глубже, владеет словом, — именно здесь сосредоточивается весь язык» [14, с. 395]. Однако постулируемые Ницше соотношения значений «сильный, воинственный, непримиримый» > «благородный, хороший» и «слабый, незащищенный, несчастный, достойный сострадания» > «плохой», хотя и подтверждаемые языковым материалом, нельзя возводить в абсолют и уже никак неправомерно истолковывать в социальном смысле, соответствующем «философии силы», сторонником которой является Ницше⁴. С другой стороны, необходимо принять во внимание, что указанный семасиологический переход не является самодовлеющим, это — лишь часть мифопоэтической модели, противопоставляющей «нижний» и «верхний» миры (такая модель вполне соответствует философской концепции Ф. Ницше).

⁴ Для доказательства за общетеоретических и особенно философских тезисов вряд ли правомерно опираться на семасиологические и этимологические связи исследуемых понятий. Критикуя некоторых философов в своей работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», Энгельс со всей решительностью отмечает: «Слово религия происходит от *religare* и его первоначальное значение — связь. Следовательно, всякая взаимная связь двух людей есть религия. Подобные этимологические фокусы представляют собой последнюю лазейку идеалистической философии. Словам приписывается не то значение, какое они получили путем исторического развития их действительного употребления, а то, какое они должны — али бы иметь в силу своего происхождения» [29].

При этом и значение «плохой», и значение «хороший», как показали наши исследования [30], непосредственно или опосредованно связаны через значения 1) «издавать звуки» > «просить у божества счастья или гибели»; 2) «дерево» (ср. миф о «всемирном дереве») > «крона дерева» («верхний мир») > «хороший» и «корни дерева» («нижний мир») > «плохой»; 3) «жечь» > «очищать огнем» > «хороший», но «жечь» > «портить» > «плохой». Указанная модель включает большое количество соотносимых значений, в конечном итоге отражающих атрибуты языческого сакрального акта как противопоставления «нижнего» (греховного, плохого) и «верхнего» (божественного, хорошего) миров. Ср., например, нем. *gut* «хороший», но др.-англ. *swedan* «говорить»; литов. *girti* «хвалить, восхвалять» > «громко говорить», но литов. *gēras* «хороший» (ср. *ger, *ker- «издавать звуки», *ker- «жечь», ирл. *cearr* «левша; несчастный», нем. диал. *vercharren* «портить»); и.-е. *ker- «издавать звуки»: *kel «жечь», но греч. *καλός* «хороший»; ср., с другой стороны, и.-е. *bhā «говорить», но англ. *bad* «плохой»; греч. *λέγειν* «говорить», но нем. *schlecht*, ср. *leg «гореть, резать»; др.-сев. *ora* «кричать», но гот. *ubils* «плохой», *kel «кричать», но русск. *злой*; ср. также переход «издавать звуки» > «спина» > «плохой»: *bhā- «издавать звуки», но англ. *back* «спина»; др. англ. *léod* «звук», но др.-англ. *ge-lodu* «спинной хребет»⁵; русск. *звенеть, звонить*, но *позвонок*. Значение «говорить» может также переходить в значения «застывший в экстазе» > «удивленный» (> «дурной, плохой, больной»), а это последнее — в значение «камень»: ср. *qed- «говорить», но англ. *wonder* «чудо» (ср. *ond- «камень», но швед. *ond* «злой, плохой»); др. англ. *sæcgan* «говорить», но лат. *saxum* «камень»; *ag- «говорить» (ср. лат. *ad agium*), но *agh- «бояться», *agos «грех»⁶; *ak-мен «камень». Значения «плохой», «злой» и «хороший» могут соотноситься и со значением «двигаться» (движение как магический символ): ср. лат. *bonus* «хороший», но и. о. *dhen- «бежать»; греч. *καλός* «хороший», но и.-е. *kel- «двигаться», а с другой стороны, и.-е. *kel «двигаться», но русск. *злой*; нем. *folgen* «следовать, двигаться за к.-л. или ч.-л.», но ирл. *oic* «плохой». Значение «плохой», рассматриваемое Ницше, может также соотноситься со значением «женщина» (символ «нижнего мира», греховности, зла): ср. нем. *Weib* «женщина», но нем. *Übel* «зло», др.-англ. *wibbel* «жук» (хтоническое животное), нем. *Staub* «пыль, прах» > («земля»), тох. А *wip*- «сырость, влага» (связь значений «земля — вода»); ирл. *wybr* «небо»; *gen- «женщина; рождать» < **sken(d)*- «spalten, reißen». но и.-е. *kad «evil, hate», др. сев. *skand* «позор»; тох. А *kuli* «женщина», но русск. *зло*, лид. *gel* «земля», ср. лат. *caelum* «небо»; др.-сев. *dis* «женщина», но *dus- «плохой», англ. *dust* «пыль, прах» > («земля»), и.-е. *dyō (u)* «два» (символ «нижнего» мира); арм. *eg* «женщина», но литов. (с s-mobile) *žagti* «опоганить». Ср. отношении Ницше к женщине как к «слабому», а поэтому «низшему» существу (этот взгляд находит подтверждение и в мифологии древности, где женщина обычно отождествляется в цифрой «два»): нем. *Frau* «женщина», но лат. *peior* «хуже», русск. *порок, порох, прах*, ср. англ. диал. *free* «червь» (хтоническое животное); лтш. *merga* «девочка, девушка», но русск. *мерзкий*⁷.

⁵ Ср. болг. *луд* «слабоумный, глухой»

⁶ Ср. *agh- «widerwärtig».

⁷ Ср. еще: и.-е. **sor-*, «Wohlb», но *sor-sger- «осквернять, гадить» (ср. русск. *сор, сорить*). Связь «нижнего» и «верхнего» мира отражается еще и в том, что значение «женщина» (символ «нижнего» мира) соотносится со значением «корова (небожитель, символ «верхнего» мира): ср. лат. *vacca* «корова», но англ. *wench* «девочка»; др.-инд. *mahīā* «Frau»,

Ницше считал, что происхождение языка и созидательные, творческие процессы, постоянно происходящие в нем, не связаны с деятельностью того или иного сообщества людей. Напротив, то или иное сообщество людей может возникнуть только в результате сознательного использования языка. В свою очередь сознательное использование языка становится возможным лишь как следствие бессознательной, инстинктивной деятельности отдельных человеческих индивидов. Ницше полагал, что существует так называемый «бессознательный» (или предсознательный) язык, носящий часто инстинктивный характер и наиболее полно (хотя и не полностью) отражающий внутреннее существо человека (ср. понятие «вещи в себе» у Канта, абсолютной Воли у Шопенгауэра, *Ur-Eine* у Ницше); суть этого языка состоит в бессознательном сенсорном синтезе и создании иллюзий (*Wahn*). «Бессознательный» язык, по Ницше, трансформируется в язык сознательного мышления, который, однако, лишь обедняет, упрощает и даже «портит» язык первого типа, является препятствием к познанию мира: этот язык представляет собой опосредование языка первого типа, т. е. образ образа или символ символа, которые лишь отдаленно отражают свой «оригинал» (ср. понятие иррациональной и рациональной Воли у Шопенгауэра). Наиболее полно *Ur-Eine* отражается, согласно Ницше, не в языке, а в музыке и вообще в искусстве (ср. увлечение Ницше музыкой Вагнера, которого он впоследствии критиковал): именно музыка, ритмика, динамика, гармония, согласно Ницше, представляют собой своеобразный критерий, точку отсчета, на основе которых «измеряются» возможности и ограничения «сознательного» языка (ср. формулу Ницше «*Instinkt, Wahn, Kunst*»), именно музыка, жест, движение соответствуют «скрытой сущности вещей» (*Ur-Eine*). Ницше строит следующую схему «развертывания Воли» (*Willengang*): (вещь в себе, абсолютная Воля, *Ur-Eine*) → нервный (бессознательный, инстинктивный) стимул (первый образ/символ) → звук/слово (второй образ/символ) → понятие (третий образ). Следует отметить, что все элементы широко распространенных в нашем столетии теорий глубинной и поверхностной структур (Н. Хомский) и фреймов (Филлмор, Фриз) содержатся в концепции языка Ницше, что, однако, не исключает независимого возникновения этих теорий.

В языке, по Ницше, иллюзия принимается за реальность, а инстинкт и сфера бессознательного, лежащие в основе языка, предаются забвению. Истина состоит из изменчивой цепочки забытых метафор, метонимий и антропоморфизмов, т. е. иллюзий, фикций, причем иллюзии нередко играют и положительную роль в жизни человека. Искусство — это сознательное создание эстетических иллюзий, которое обусловлено инстинктивной «тягой» (*Treiben*) человека к иллюзиям. Наш интеллект оперирует сознательно создаваемыми иллюзиями, картинками, риторическими фигурами, метафорами. Познать что-либо равносильно манипуляции с лю-

māheyi «Weib», по др.-инд. *māhīluka* «Kuh»; англ. *girl* «девочка», по и.-е. **ker-* «Kuh» (ср. др.-сев. *skorð* «Weib»). Интересно также, что значение «женщина» может соотноситься со значением «ущербный»: ср. арм. *eg* «женщина», по и.-е. **eg-* «mangeln, Not haben»; др.-сев. *skorð* «Weib», по англ. *hurt* «повредить»; русск. *женщина*, по и.-е. **kenk-* «Hunger», арм. *sin* «leer»; лат. *femina* «Weib», по лат. *fāmēs* «Hunger»; исл. *dro-sin* «Weib», по др.-инд. *riṣ-* «be injured», исл. *drosla* «langsam gehen», н.-нем. *druseln* «im Halbschlaf liegen» (ср. без среднего -r-: др.-инд. *dosāḥ* «нужда, отсутствие»); нем. *Frau* «женщина», по и.-е. **pur-* «loose, crumbly» (ср. литов. *purūs* «friable»); **sor-* «Weib», по **šer-* «harm»; тох. *A kull* «Weib», по тох. *A kul* «слабеть, уменьшаться»; др.-англ. *ides* «Weib», по осет. *idujun* «иссыкать, истощаться» (<**deu-* «mangeln»); осет. *us*, *wosae* «Weib», по авест. *zyā-* «harm».

бимыми метафорами: мы воспринимаем иллюзии, а не суть вещей. Философия — это естественный язык в той мере, в которой она пытается исследовать наиболее глубокий инстинкт человека — инстинкт языка. Как язык, так и мышление, по Ницше, основаны на «нереальных» или «фальсифицирующих» операциях. Допускать ошибки, игнорировать, не обращать внимания, смотреть сквозь пальцы Ницше считает наиболее необходимым для человека. Следуя принципам идеалистической философии, Ницше считает иллюзиями, фикциями, конструктами ума внешний мир, человека, сознание, логическое мышление, предметы, средство — цель, активность — пассивность, язык и его грамматику, истину, свободу воли, круг, прямую линию, причину — следствие, покой, движение, форму, число, время и пространство, законы природы, награду, наказание, мудрость, благодушие, отношение субъекта и объекта (наше сознание, по Ницше, все искажает: постулаты физики, например, являются ложными и носят временный характер). «Вещь в себе» (Ur-Eine) остается совершенно непознаваемой: между человеком и Ur-Eine стоит явление (феномен). Мир феноменов — это символ наших инстинктов. Преднамеренное, сознательное использование иллюзий Ницше называет «ложью во неморальном смысле». Переход от бессознательного к образу и от образа к языку, по Ницше, является метафорическим процессом [30—32]. Язык состоит исключительно из метафор («произведений искусства»), постоянное создание которых является основополагающим инстинктом человека, хотя он и не осознает метафорический характер своего языка. Необходимо отметить, что рассматриваемый язык сквозь призму метафор содержится в известной работе Макса Мюллера «Наука о языке» (1862), которая, несомненно, была знакома Ницше. К сожалению, К. Кроуфорд не упоминает о влиянии Макса Мюллера на Ницше. Наличие в языке большого количества забытых метафор вполне оправдывается данными индоевропейских языков, где, как мы пытались показать [30], целый ряд значений является метафорой значений «резать, гнуть», не воспринимаемых как метафора. Приведем примеры создания метафор на основе языческих мифопоэтических образов. Поскольку вода была символом Вселенной, символом божественной силы⁶, то и рыба (обитатель водных просторов) выступала как символ спасения, сверхъестественной силы, мудрости. Ср.: 1) и.-е. *pes k «рыба», (ср. тох. *A pās-* «ausgießen, besprengen»), но лит. *spēc̄gs* «strong», *spėks* «power, strength»; ср. лат. *specus* «cave» (рыба как житель водных глубин), а также др.-англ. *faēx* «волосы» (как символ силы); 2) русск. рыба, но колхт. **reb-* «(культовая) игра, сакральный акт», **krab-* (с преформантом) «Religion, Frömmigkeit», русск. *работать* (первоначально «совершить сакральный акт»), 3) др.-инд. *mināḥ* «рыба», русск. диал. *мень* (название рыбы), но и.-е. *menos «power, craft, ability» (ср. литов. *mėnas*, «art»), ит. *menare* «do, put, move, lead, deal, make»,

⁶ Ср. соотношение значений «вода» > «хороший, благостный, спасительный»: лат. *bonus* «хороший», но осет. *don* «вода»; ирл. *dobruil* «вода», но русск. *добрый*; и.-е. **ues-* «pass», но хет. *assu* «хороший» (ср. др.-сев. *ass* «бог»); нем. *gut* «хороший», но гот. *giutan* «лить»; тох. *A pāra-* «gütosor», но арм. *barjr* «gut», англ. *sleng bear* «excellent»; др.-инд. *kṣārem* «Wasser», но литов. *gėras* «gut»; др.-инд. *nar* «Wasser», но и.-е. **ner-* «магическая, сверхъестественная сила» (ср. гот. *nasjan* «to save»); и.-е. **krosno-* «feucht, pass», но русск. *красный*, *красивый*; и.-е. **leib-* «мокрый, жидкость», но литов. *labas* «gut»; и.-е. **pel-*, **pleg-* «pass, feucht», но лат. *pulcher* «good, excellent»; и.-е. **bhog-* «pass», но **bhag-* «good»; **reg-* «feucht» (ср. нем. *Regen*), но нем. *recht*; русск. *мокрый*, но греч. *μακαριός* «благый»; русск. *благо*, но др.-англ. *lagu, logu* «Wasser». Ср. и.-е. **ues-* «pass», но русск. *веселый*, лит. *vešels* «gesund»; др.-инд. *kṣārem* «Wasser», но русск. *хороший*.

лат. *ad-miniculum* «айд»), *men «ум» (Mann, s. v.); 4) перс. *māhī* «рыба», но нем. *machen*, англ. *make* «делать, совершать (сакральный акт)», нем. *mächtig* «могущественный»; 5) нем. диал. *Giesen* «рыба», но итальянск. **fes-*, *fas «религиозный акт», оскск. *fisnum* «храм», лат. *festus* «праздничный», *fanum* (<**fas-*) «святое место». Ср. оскск. *herest*, умбр. *heriest* «volet», *heriam* «arbitrium, potestatem», др.-ирл. *gor* «fromm», *goire* «Frömmigkeit, Pietät»; 6) англ. диал. *piring* «рыба», но др.-ирл. *spēir* «небо», др.-англ. *speer* «спрашивать, просить, молить»; 7) др.-англ. *bol*, *bal* «an eel», но др.-инд. *balā-m* «сила»; 8) др.-англ. *facg* «камбала», но болг. *пазя* «заботиться, беречь», русск. диал. *пачить* «подлаживаться»; 9) ирл. *earc* «trout», но *erc* «небо», ср. греч. ἔργω «делать, совершать (сакральный акт)»; англ. *perch* «окунь», но **perk-* «молить, молитва»; 10) прусск. *kalis* «сом», но лат. *caelum* «небо». Поскольку постоянным мотивом всех ритуалов является сексуальность, которая неизменно имеет сакральный, священный характер (ср. дионисийские мистерии у греков и римлян, аналогичные таинства в Индии, Персии, Египте, фаллические символы, знаменующие собой плодородие, круговорот вечной жизни и смерти), неудивительно, что рыба является фаллическим символом: ср. *pes-k «рыба», но и.-е. *pesos «penis», др.-англ. *fæsl* «Nachkommen», ср. англ. диал. *fike*, *ficken* «coire», англ. *fuck* «coire»; литов. *pisti* «coire»; русск. *рыба*, но др.-в.-нем. *riba* «Hure», лат. *tribus* «племя»; греч. ἰχθός «рыба», но ирл. *goithimm* «coire», валл. *god* «adulterous»; др.-инд. *matsya* «рыба», но авест. *miθ-coire*; л.-русск. *kalis* «сом», но валл. *cal* «penis»; осет. *kæf* «рыба», но др.-сев. *skoppin* «penis», англ. диал. *shape* «female parts»; нем. *Stör* «осетр», но др.-англ. *teors* «penis». Ср. также: араб. *samak* «рыба», но *samāun* «небо», *sama'a* «быть высоким, возвышаться», *šamsun* «солнце», ср. **sem-* «один» > «вместе» (ср. нем. *sammeln*, *zusammen*) > «coire»: символика единицы — вертикально стоящий шест (ср. языческое поклонение столбам), творческое начало, сила, энергия, превосходство. Кроме того, рыба как фаллический символ может, с одной стороны, быть знаком напряжения мускулов, твердости, жесткости, эрекции, а с другой — символом еды, питания > coitus. Ср. в этой связи: 1) и.-е. *pes-k «Fisch», но нем. *fest* «твердый», нем. *Speise* «еда» (ср. лат. *pēnus* «продовольственные запасы, съестные запасы» < *pes-nos, ср. *penis* «männliches Glied» < *pes-nis; *penus* «внутреннее святилище храма Весты»: как уже говорилось, совершавшиеся в храмах сакральные действия часто носили сексуальный характер); 2) прусск. *kalis* «сом», но лат. *callus* «твердый», гот. *h¹ius* «камень», др.-англ. *sceallan* «private parts», франц. *cul* «Arsch, vulva», др.-сев. *hold* «flesh»; 3) англ. диал. *tuck* «the fish Cottus bubalis», но русск. *тугой*, англ. *tough*, англ. диал., англ. сленг *tuck* «еда», англ. диал. *stog* «a sharp-pointed instrument», осет. *tug* «кровь» > («семя»), англ. *stock* «род»⁹;

⁹ В ряде случаев слова со значением «рыба» могут соотноситься со словами, имеющими значение «язык» (язык как мускул): ср. англ. диал. *tuck* «the fish Cottus bubalis», но др.-англ. *tung* «язык» (часть тела); русск. *омуль* (название рыбы), но лтш. *mēle* «язык» (часть тела), англ. диал. *melt* «язык» (часть тела), ср. ср.-н.-нем. *emelte* «Котп-вигт», др.-англ. *emel* «Käfer, Raupе»; русск. *глоса*, *глог* «рыба Platessa luscus» (<новогреч. γλωσσα «рыба Solea solea», но греч. γλωσσα «язык» (часть тела) < *γλωχ-σα, ср. греч. γλωχας «Grannop der Ähren», серб. *glog* «Dorn», укр. *лоскирь* (название рыбы), греч. λίθος «кирка» (ср. также русск. диал. *глузд* «ум, разум»: внутренний орган как святилище мысли). Интересно, что слова со значением «писать» (таинство письма) могут соотноситься со значением «рыба» (рыба как символ таинства Вселенной): ср. лат. *scribere* «писать», но русск. *рыба* (ср. валл. *rheibes* «колдун, ведьма»); русск. *писать*, но и.-е. *pes-k «рыба» (ср. др.-англ. *fēs* «нить») (связь небесного и земного, а также «связывать» > «связывать чарами»); гот. *meljan* «писать», но русск. *о-муль* (название рыбы), ср. лтш. *mēle* «язык»; др.-англ. *writan* «писать», но индо-арийск. *vṛnta-* «гусеница» (типологически ср. нем. *Raupе* «гусеница», но русск. *рыба*).

4) др.-англ. *facg* «камбала», но и. е. **pag-* «твердый», **pak-* «питаться».

5) нем. диал. *Renke* (название рыбы), по лат. *rigidus* «hart». др.-англ. *raege* «мускул», греч. ὄρυξ «Hoden», литов. *ragauti* «geniessen», нем. *streng*, англ. *strong* «сильный, жесткий», блр. *ружа* «земная твердь», словен. *rūžen* «крепкий»; 6) лат. *cauda* «penis», ср.-н.-нем. *kute* «entrails» (ср. др.-англ. *scéota*, англ. диал. *shot* «форель»), по литов. *kietas* «жесткий, твердый», нем. *Köder* «Lockspeise für Tiere», швед. *kött* «плоть», ср. англ. *cod* «треска»: ср. также полаб. *keuteil* «делать, производить» (в частности, сакральный, resp. сексуальный акт), польск. *skutek* «поступок, действие»; 7) швед. *harr* (название рыбы, ср. англ. *herring* «сельдь»), но арм. *zor* «пицца», нем. *hart, herb* «жесткий, суровый», русск. *хер*; русск. *рыба*, по лат. *robus* «Starrkrampf», *robur* «твердость, крепость», ср.-н.-нем. *strif, stref* «твердый, жесткий», ср. с другой стороны др.-англ. *hrif* «Bauch, Eingeweide, Genitalien» (русск. *груб* — фаллический символ), нем. диал. *Reppel* «Pfeil, Klotz», швед. *rappa* «snatch», нидерл. *rapen* «gather» (< «bend press, make hard»); русск. *крепкий*; англ. диал. *tope, toper* «a kind of shark», ср. литов. *stiprūs* «твердый», англ. *stiff*, ср. тох. А *tāp* «manger», англ. диал. *stuff* «food», лат. *stuprare* «coire»; нем. диал. *Aitel, Wieten, Witting* «the fish *Leuciscus cephalus*», швед. *id* «name of a fish», но и. е. **ond-* «Stein», **ed-* «essen», ср. др. русск. *yd* «penis»; русск. *мень* (название рыбы), также *ментус, ментюк*, ср. и. е. **men-* «to press, make hard», лат. *manducare* «essen», др.-инд. *manśa* «плоть», *mand «pudendum muliebre», лат. *mentula* «penis»; нем. диал. *Giesen* «Fisch», **geus-*, **ghos-* «essen, geniessen», русск. *жесткий*, и.-перс. *gušt* «мясо, плоть», нем. *küssen* (> «coire»), типологически ср. франц. *baiser* «coire», ср. также нем. *lieb-kosen*; русск. *плотва*, но русск. *плотный, плоть*; осет. *kæf* «Fisch», но **geph-* «essen», лат. *cibus* «food», др. англ. *carian* «смотреть в одну точку» («застыть в экстазе»), русск. диал. *кеп* «дурак» (букв. «застывший в экстазе»), др.-сев. *keip* «Stock» > «penis» (ср. русск. диал. *кобель, коблик* «название рыбы»); англ. диал. *shape* «female parts», др. англ. *ge-scéap* «private parts»; русск. диал. *терпа* «название рыбы», но **terp-* «geniessen», лат. *torpeō* «онеметь, застыть», др. англ. *teors* «penis»; нем. диал. *Spielring*, англ. диал. *piering* «форель», но и. е. **sper-* «hard, solid» (Mann, 1255), **pa-* «to eat»; русск. *галыш* (название рыбы), но и. е. **gel-* «sich verdichten, hart werden», **gel-* «verschlingen» (ср. греч. δῆλαρ «Köder»); исл. *nirla* (название рыбы, ср. нем. *Nerfling*), нем. диал. *Narr* «krampfartige Spannung», *er-narren* «sich verdichten, hart werden», др. англ. *sner* «harp-string», исл. *noera* «straff ziehen», *snerkja* «verziehen. лат. *neruus* «Muskel, Sehne», греч. ἄρραω «цепенеть», по нем. *nähren* «питаться»; др. англ. *hran* «кит», *hruna* «ствол дерева», нем. диал. *Ron* «ствол дерева» (< *ker-nō: ср. серб.-хорв. *kurač* «penis»), болг. *hrana* «пицца, питание», нем. *hart* «твердый»; **sem-* «sammeln, zusammendrücken» > «hart machen», др. англ. *som* «pleasant», ср.-в.-нем. *siemen* «make pleasant» (< «coire»): **sem-* > *seu-men [ср. **sem-* «Sommer» («период года, когда все рождается»)], **sem-* «one» (≈ «make one of two, coire»): **seu-* < *kseu < **es-* «to eat», русск. *сом*.

Интересный метафорический образ связан со словами, имеющими значение «верить, надеяться». В большом количестве случаев слова с указанным значением первоначально означали «вынуть один внутренний орган и вложить другой» (внутренний орган символизировал вместилище мыслей)¹⁰. Ср.: н.-ирл. *suil* «надежда», по **sel-* «давать; брать», а с другой стороны, русск. *селезенка* (ср. также: лат. *solor* «утешать», литов. *siela*

¹⁰ Ср. англ. диал. *piering* «кишка», по гол. *frājan* «понимать».

«душа»); гот. *ga-laubjan* «верить», но ср.-в.-нем. *lip* «желудок» (ср. нем. *Leber* «печень»); лтш. *jūst* «чувать, чувствовать», но др.-англ. *eosen, isen* «кишка», ср. **es-* «класть»; др.-англ. *sméagan* «to think, to suppose», но др.-инд. *maghām* «Gabe, Lohn», нем. *Magen* «желудок» *Geschmack* «вкус» (ср. перс. *māhī* «рыба», др.-инд. *mahan* «gross, ausgedehnt»); тох. А *puh* «верить», но др.-англ. *buc* «Bauch». русск. *печень* (и.-е. **pek-*); гот. *wēns* «надежда, вера», но лат. *venter* «живот» (ср. др.-англ. *wān* «пустой» < «пюлость»); англ. *hope* «надежда», но брет. *kof* «belly», англ. диал. *giblets* «внутренности», ср. лат. *subō* «класть». гот. *giban* «давать»; нем. *liegen, legen*, но англ. диал. *pluck* «внутренности», ср. англ. *pluck* «брать, срывать»; англ. *guess* «надеяться», но русск. *кишка* (ср. русск. *касамься*); гот. *gaumjan* «заботиться, обращать внимание», англ. диал. *gaum* «понимание, рассудок», ср. *gaum* «взять, схватить», но болг. диал. *зима* «селезенка»; др.-англ. *raedan* «думать, полагать», но др.-англ. *réada* «желудок у скота»; литов. *viltis* «Hoffnung», но лат. *ilia* «Darm»; лат. *credō* «верить». но греч. *χρόβη* «кишка»; прусск. *druwit* «верить», но нем. *Darm* «кишка». ср. **dher-* «брать, держать», **der-* «Spanne der Hand»; русск. *верить, вера*, но греч. *βραχ* «кишка»; лат. *spero* «надеяться», но англ. диал. *piring* «кишка; колбаса», ср. серб. *sporiti* «to encourage», др.-англ. *spūrian* «seek, perceive», но др.-инд. *pūrta-* «Lohn», др.-англ. (с метатезой) *ropp* «кишка»; русск. *искать*, англ. *to ask* «спрашивать», но др.-англ. *isen, iske* «кишка»: лат. *fides* «вера», ср. англ. *god* «бог» (букв. «тот, на которого надеются»). русск. *ждать*, но др.-англ. *gudá-*, греч. *γόδα* «кишка», ср. лат. *fides* «струна», др.-англ. *on-gietan* «urteilen, betrachten, fühlen; ergreifen, nehmen»: литов. *tikėti* «to believe», но литов. *taukas* «Bauch» (ср. др.-инд. *takari* «ein bestimmtes Teil der weiblichen Genitalien», др.-англ. *tiohh* «род»: англ. *think* «думать»; типологически ср. др.-инд. *dumah* «Genitalien», но русск. *думать*); нем. диал. *anden* «полагать, предчувствовать» [<*es «setzen, sitzen» (ср. др.-англ. *isen, eosen* «Darm») + **der-* «Darm», *dher «take, hold»: ср. **ais-* «wünschen, begehren, aufsuchen», **ais-* «fürchten», **as-* «Leben; Blut»], но греч. *ἤτορ* «Herz», *ἤτρον* «Bauch», ср.-н.-нем. *ader* «Eingeweide»; русск. *надеяться* < *deŕti «legen».

Значения «надеяться, верить» могут, естественно, соотноситься и со значением «рука» (≈ «берущая, дающая»): ср. нем. *glauben*, но др.-англ. *lof* «рука», ср. англ. сленг, англ. диал. *love* «пустой, нулевой (в игре)»: англ. *guess* «думать», но **ghes-* «рука» (ср. лат. *cassus* «пустой», др.-англ. *gāesne* «пустой»), ирл. *gosod* «надежда»; лат. *credō* «верю», но греч. *χείρ* «рука»; н.-ирл. *dōchas* «надежда», но англ. сленг *duke* «рука»; нем. диал. *anden* «полагать, предчувствовать», но нем. *Hand* «рука»; и.-е. **men-* «думать», но лат. *manus* «рука»; *bhago «assert, vow», но *bhagos «arm».

Интересно развитие значений «останавливаться, прекращать(ся)» в индоевропейских языках: в большом количестве случаев эти значения являются забытой метафорой от значения «говорить» (метафорический образ — обращение к богу с возгласами и мольбами и в результате этого религиозный экстаз, транс, прекращение всех движений тела): ср. греч. *λέγειν* «говорить», но др.-англ. *slāc* (совр. англ. *slow* — «медленный»); и.-е. **gal-* «петь, издавать звуки», но др.-англ. *gǣlan* «прекращать, останавливаться»; др.-англ. *maeþlan* «говорить», но русск. *медленный*; тох. А *tāp-* «annoncer à haute voix», но англ. *stop*; и.-е. **kuk-* «сгу», но лат. *circulare* «останавливать(ся)»; др.-англ. (нортумбр.) *stiora* «останавливать, препятствовать», но хет. *tar-* «говорить» (ср. русск. *тормоз*); и.-е. **eg-* «sprechen», но **eg-* «zögern; mangeln»; др.-слав. *кунети* «останавливаться», но др.-в.-нем. *kosian* «говорить»; др.-англ. *swedan* «говорить», но англ.

skid «тормозить, останавливаться»; кельт. *trigio* «музыка», но гот. *trigo* «неохота, нерасположение»; др.-в.-нем. *tragi* «медленный»; др.-англ. *sweog* «звук», но др.-англ. *swigian* «прекратить; находиться в покое».

Слова со значениями «слепой», «немой», «глухой» соотносятся со словами, обозначающими отдельные атрибуты сакрального акта (в частности, «застывший в религиозном экстазе» > «потерявший слух, зрение, речь», «подобный камню, окаменелый», а также «чудо»): ср. ирл. *cloch*, *clog* «камень», но русск. *глухой* (ср. также англ. *rock* «скала, камень»); ср.-ирл. *goll* «слепой», но **gel-* «застывший в экстазе», русск. *скала*; греч. *βάβυα* «чудо», но нем. *stumm* «немой»; осет. *kudti* «немой; глупый», но греч. *ἄβδος* «чудо», ср. др.-англ. *swedan* «говорить» > («колдовать»), гот. *silda-leik* «Staupen, Wunder» (букв. «окаменелое, застывшее тело», ср. лат. *silex* «камень»), ср. также **kel-* «Pfosten» (поклонение столбам), ср. переход: **sel-* > **syel-* > *uel > **uer-* — литов. *uola* «Stein», русск. *во-рожить*. С гот. *silda leiks* следует сопоставить др.-англ. *swir* «столб» (поклонение столбам, ср. русск. *кол*, но *околемь*, букв. «застыть, стать неподвижным как столб»), лат. *surdus* «глухой». Гот. *silda(leiks)* восходит к **kel-* «frieren» (ср. **kel-* «brönnen, heiz werden» > «frieren», ср. лтш. *šilt* «нагреть», ср. типологически лат. *pruna* — *pruina*). Ср. далее: др.-англ. *searo* «Kunst, Geschicklichkeit, List», англ. *sword* «меч» (типологически ср. др.-англ. *mece* «меч», но **mag-* «Zauber»), **ser-* «fluid» (сакральное возлияние), лат. *seros* «late, backward», англ. *word* «слово» > («волшебство»), **syel-* «essen» > («coire»), **syer-* «harm, hurt», *solēiō «offer, bid, yield», **sul-* «pillar» (поклонение столбам), тох. А *surm* «cause, motif, raison»; русск. *слепой*, но и. о. *lep «камень», лтш. *slēps* «тайна», англ. *sleep* «спать», литов. *lopė* «пламя» (типологически ср. англ. *wonder* «чудо», но и. е. **ond-* «камень»); англ. *blind* «слепой», но греч. *ἄβδος* «камень»; нем. *staub* «немой», но литов. *stebeti* «удивляться», греч. *τῶφλος* «слепой», ср. также: русск. *стбель*, нем. *toben* «бушевать», др.-англ. *tiber* «жертва», нем. *zaubern* «колдовать», лат. *stupor* «numbness», ит. *stupore* «astonishment»; русск. *немой*, но лат. *nemus* «священная роща», **nem-* «give, let, hire out», **nem-* «moist», **nem-*, *nom «book, mystery», греч. *νόμος* «обычай, закон»; др.-инд. *andha* «слепой», но **ond-* «камень», ср. англ. *wonder* «чудо»; литов. *āklas* «слепой», но др.-англ. *lāc* «жертва», *lāc* «культуровая игра»; с лтш. *brinsums* «чудо», возможно, следует сопоставить др.-англ. *blinnan* «остановиться», др. англ. *rūna* «тайна», англ. *blind* «слепой», лат. *prūna* «Glut»; **kūr-* «blind», но валл. *carreg* «stone». Ср. также русск. *хромой*, но лтш. *ērms* «чудо», литов. *rimti* «остановиться, прекратить». Значение «болезнь» также может соотноситься со значением «камень» (остановка, окаменение «жизненных соков»): ср. нем. *siechen*, англ. *sick* «больной», но лат. *salut* «камень»; и. е. *ak-men «камень», но лат. *aeger* «больной»; англ. *ill* «больной» (*el > **uel-*), но литов. *uolā* «камень»; литов. *sirgti* «болеть», но *srig «kalt» (ср. англ. *rock* «скала, камень»); русск. *леда*, *ляда* «болван» (диал.), но русск. *лед*; **aleg-* «suffering», но лат. *glacies* «лед»; литов. *liga* «болезнь», но русск. *скала*; др.-англ. *sār* «больной», но арм. *sařnem* «лед».

Ряд животных «нижнего мира» (змеи, крысы, мыши) считались хранителями земных богатств. Вместолицем же земных богатств считалась гора, которая вместе с тем была символом Вселенной. Ср.: 1) лат. *mūs* «мышь» < лат. *mōns* «гора» (ср., с другой стороны, ирл. *toep* «сокровище»); 2) кельт. *luch* «мышь», но др. инд. *loka-* «Вселенная». Ср., однако, греч. *ἄβδος* «холм», греч. *ἄβραα* «coire» (типологически ср. гот. *huzd* «tea-

sure», но греч. *κόσμος* «*pudenda muliebres*»); 3) русск. *крыса*, но и.-е. **ker-* «вершина», а также др.-англ. *hyrst* «сокровище»; 4) англ. *rat* «крыса» < **uert-* (ср. **uer-* «*Gipfel*»), но др.-англ. *wrætt* «драгоценность»; 5) литов. *pelė* («*Maus*»), но нем. *Fels* «камень, гора», **pel-* «заработок, жалованье»; 6) русск. диал. *пасюк* «крыса» (ср. тох. А *pats* «земля»), но **pes-* «ре-нис» «размножение» > «богатство», др.-инд. *pāṣāna-* «камень» > («гора»); 7) лат. *sorex* «мышь» (< **kse-reg-* < *kes-reg, ср. греч. *κοσ-μος* «*Вселенная*»): вторая часть этого слова (**reg-* > **leg-*) соотносится с др.-инд. *loka* «*Вселенная*»: ср. нем. *Schlange* «змея», типологически ср. лат. *anguis*. «змея», но др.-инд. *anghi-* «*Вселенная*»; ср. греч. *θη-σαυρος* «сокровище», первая часть которого соотносится с и.-е. **dhe-* «класть», а вторая с лат. *sorex*. Ср. далее: тох. А *zul* «гора», тох. А. *surm* «причина», тох. А *ṣūraṅ* «семья». Интересно, что слова со значением «червь, змея, мышь» (животные «нижнего мира») могут соотноситься со значением «металл»: 1) др.-англ. *maða* «червь», но лат. *metallum* (ср. др.-англ. *madum* «сокровище»); 2) брет. *aer* «змея», но гот. *aiz*, др.-англ. *ār* «руда, металл»; 3) др.-инд. *kala-* «металл», но и.-е. *geli «мышь»; 4) лат. *sorex* «мышь» [ср. переход **sker-* (русск. диал. *щур* «крыса») > **kser-* (лат. *sorex* «мышь») > **kes-* (прусс. *cassoye* «латунь»)], но др.-инд. *ṣaram* «металл»; русск. *железо*. но **geli-* «мышь»; лат. *ferrum* «железо» (< *ghersom), но русск. *крыса*, ср. др.-инд. *hirana* «металл».

Время представлялось древним в виде оболочки всего сущего. Ср. в этой связи: гот. *theihs* «время», но нем. *Decke* «крышка», русск. *о-дежда*; др.-англ. *tid* «время», но индо-арийск. **dhada-* «туловище» (как вместилище души), *dudda-* «живот (как вместилище внутренностей)»; серб.-хорв. *рок* «время», но нем. *Rock* «одежда»; русск. *час*, но англ. *case* «чемодан, футляр»; чеш. *dobà* «время», но и.-е. *dhubos «оболочка»; русск. *время* (< *uer-men), но **uer-* «вмещать в себя, закрывать, накрывать»; нем. диал. *Hirte(n)* «время», но нем. диал. *Kar* «сосуд»; др.-англ. *sið* «время», но др.-англ. *seoð* «карман, мешок»; лтш. *laiks* «время», но нем. диал. *Lag* «сосуд»; греч. *ὑρος* «время», но нем. диал. *Rein* «сосуд».

Следует отметить, что время как мифопоэтическая категория непосредственно связано с пространством и образует с ним единое целое (хронотоп): ср. др.-инд. *kala-* «время», но русск. *колея*, лтш. *ceļš* «путь»; др.-инд. *rajas* (**reg-*) «пространство», но серб.-хорв. *рок* «время»; и.-е. *uer-men «время», но др.-англ. *weorð* «земельный участок», тох. В *wārio* «сад» (ср. греч. *ῥα* «время»); греч. *χαῖρος* «время», но греч. *ὑῥα* «местность».

Слова со значением «левый — правый» могли обозначать соединение центра мироздания (мировое дерево, мировая гора, мировая река, рыба и др.) с хаосом, находящимся за его пределами: ср. греч. *δεξιός* «правый», но литов. *taka* «тропа», русск. *стега*; др.-англ. *swiðor* «правый», но др.-англ. *swaði* «тропа» (ср. др.-англ. *widu* «лес»); тох. А *apats* «справа», но нем. *Pfad* «тропа», англ. *path*; др.-сев. *höger* «правый», но лтш. *kudšks* «дерево», др.-сев. *skogr* «лес»; нем. *recht* «правый» (и.-е. **reg-*), но англ. *rock* «скала»; русск. *правый*, но нем. *Spur* «тропинка» (ср. литов. *būrti* «колдовать»). С другой стороны, ср. лат. *sinister*, ст.-слав. *svijnŭ* «отдаленный», *svēnĭje* «находящийся вовне» (Mann, с. 1361) + **ster-* «пространство» [ср. хет. *sēnas* «идол», др.-инд. *sānuḥ* «идол; эпитет солнца и ветра», ирл. *siōn* «погода», ирл. *siŋ* «религия», и.-е. **suoin-* «робость, боязнь (божества)», сакс. *sāna* «враг»]. Ср. также греч. *ἀριστερός* «левый», но индо-арийск. *arari* «дверь» (букв. «то, что выходит наружу») + и.-е. **ster-* «пространство».

Нище не только исследует те операции, которые лежат в области

«бессознательного», иррационального, предсознательного языка, но и оптимальные формы его произнесения — музыку, искусство, риторику, состояние экстаза, в частности культ Диониса (в противоположность культу Аполлона). Во время отправления языческого культа, наивысшего душевного напряжения (экстаза), самоотречения возможности создания символов достигают апогея, возникает слияние человека с природой, которая неодолимо требует символического выражения как в звуках, так и в движениях, а затем и в музыке, в ритмике, гармонии¹¹. При этом Ницше отмечает многообразие и неодинаковость следующих друг за другом символов («зеркало не может отражаться в зеркале»). В связи с этим необходимо принять во внимание так называемые этимологические гнезда: большое количество различных слов, обозначающих те или иные элементы культа, нередко восходит к одному и тому же корню [30]¹². Ницше указывает, что «бессознательный» язык может иметь множество возможных форм, а сознательный язык актуализирует лишь определенную форму в определенный период времени и в той или иной культурной среде. Это, по мнению К. Кроуфорд (с. 135, примеч. 17 рассматриваемой работы), весьма напоминает выделяемые Ф. де Соссюром понятия *langue* и *parole*. *Langue* — это и социальное явление, и система ценностей. *Parole* же — это индивидуальный акт речи, предусматривающий выбор и актуализацию. Таким образом, *langue* представляет возможные формы, а *parole* избирает определенную форму. К. Кроуфорд считает, что Ницше выдвигает здесь теорию системности в языке, в рамках которой система — это набор качественно и количественно определенных единиц; каждая из этих единиц, являясь определенной «ценностью», в то же время выступает и виде элемента более крупной функциональной сущности, посредством которой она коррелирует с другими «ценностями». Необходимо иметь в виду, что большее или меньшее сходство взглядов нескольких ученых не всегда равносильно приоритету одного из них, а нередко может оказаться поверхностным, внешним, надуманным, произвольным. Однако отдельные идеи, высказанные тем или иным ученым, если они без должных оснований не рассматриваются как основополагающие для других ученых, могут сами по себе представлять несомненный интерес.

Для Ницше любой объект или явление (язык, обычай, орган) — это знак в семиотическом смысле (ср. [33—35]). Как справедливо отмечает О. Бэр [33], он рассматривал Вселенную в свете постоянно действующего процесса интерпретации, экзегеза, что находит выражение в создании организмов и органических функций. Каждый «центр энергии» — не только *Homo sapiens* — создает свой особый мир. Мир человека — это лишь один из многих миллионов миров. Любой организм конструирует присущие ему формулы и знаки с целью приблизить к себе свой собственный мир. В качестве основного инструмента создания своего мира и практического доступа к нему люди используют язык. Для человека энергия (*Kraft*) воплощается в осязаемые объекты, которые классифицируются и координируются посредством катего-

¹¹ Отправление языческого культа — наиболее примитивная, наиболее ранняя, не «испорченная» дальнейшими преобразованиями форма выражения *Ur-Eine* (соответствует принципу *фэсы* у Платона).

¹² Именно рассмотрение этимологических гнезд, отражающих процедуру сакрального акта, дает возможность в ряде случаев семасиологически связать слова, ранее считавшиеся омонимами, что имеет принципиальную важность для этимологического анализа.

рий (субстанция, субъект, объект, соотношение причины и следствия, понятия добра и зла и др.). Однако все эти категории, начиная с понятий субъекта и объекта, являются чисто семиотическими (eine bloße Semiotik) — знаковым языком (Zeichensprache), состоящим из упрощающих иконических схем, которые возникли в результате органических и психологических потребностей и являются семиотическим ступком (semiotische Zusammenfassung) длительных исторических процессов. Таким образом, мышление, по Ницше, является произвольной иллюзией, искусственным приемом (Zurechtmachung), используемым с целью контроля. Путем проекции мы как бы «вкладываем» свои потребности в объекты и называем их ценностями, путем интроспекции мы снова открываем для себя эти ценности в объектах, не понимая, что мы сами ранее «вложили» их туда. В объектах нельзя обнаружить ничего, что не было бы ранее «вложено» в них. Такое «вложение» (Hineinsteckung) называется искусством и религией, а вновь обнаруженные ценности (Wiederfinden) — наукой. Для анализа процессов проекции и интроспекции Ницше создал метод генеалогии, который — предваря психоанализ Фрейда — стремится выявить основные органические и психологические потребности, «скрывающиеся» под многочисленными слоями «подавляющей» интерпретации. Для того чтобы в корне «снять», ликвидировать подавление инстинктов (ср. современное учение о «запретах» и «разрешениях» в языке), Ницше прибегал к «деконструкции грамматики» подобно тому, как это делал после него Виттгенштейн. По Ницше, мы мыслим согласно грамматическим навыкам, которые являются «дурными» привычками. Они заставляют нас, в частности, добавлять субъект к каждому действию (ср. нем. *es regnet, ich denke*). Таким образом, cogito Декарта получает лингвистическое подтверждение в виде системы риторического использования тропов (стилистического переноса названия посредством метафоры, метонимии, синекдохи). Несмотря на то, что Ницше считал язык и логику произвольными функциями, он усматривал в тропологическом измерении естественных языков иконический элемент Вселенной. Постоянно «пропуская» язык сквозь фильтр тропов, постоянно отыскивая «обратную сторону» (Kehrseite) вещей, ставя под сомнение устоявшиеся истины и представления, Ницше создал мир, очень напоминающий logos Гераклита, — мир, находящийся в вечном становлении. Именно Ницше одним из первых занимался актуальной ныне проблемой языковой ментальности — различными способами языкового представления мира, лингвистической герменевтикой [36—41]¹³. Мир (или различные миры) представляются человеку через призму его культуры, в частности языка. В ходе теоретической и практической деятельности люди имеют дело не непосредственно с миром, а с репрезентациями мира, когнитивными картинками и моделями. Представление мира — это его осмысление, интерпретация. Речевой акт порождает и отражает мир (один из миров). Метафора является своеобразной картиной мира, неодинаковой у носителей различных культур и одной и той же культуры в отдельные исторические периоды (ср. гипотезу Сэпира — Уорфа). Как отмечал М. Фуко, «человеческая природа сплетается с „природой вообще“ лишь через функционирование механизмов знания; или, точнее говоря, в великой системе классической *эпистемы* природа вообще, человеческая природа и их взаимоот-

¹³ Огромное значение Ф. Ницше придавал учению о различении, оценке и смысле, поскольку это учение фактически отражает весь мир, в котором постоянно совершается различение, делается оценка и ищется смысл (ср. современные аксиологические теории).

ношения являются моментами функциональными, определенными и предсказуемыми» [14, с. 400]. Необходимым условием и движущей силой развития языка является постоянно осуществляемый в нем экзегезис. Все наше сознание — это более или менее фантастическое истолкование (интерпретация) неизвестного и вместо с тем непознаваемого, но как бы всегда подспудно присутствующего «текста». Наш опыт — это скорее то, что мы определенным образом прочитываем (каждый индивид и группа индивидов — по своему), а не суть того, что нам представляется. Однако язык не только интерпретирует «текст», не только формирует понятия и строит логические связи, не только называет предметы, но и создает их посредством бесконечных метафорических преобразований. Как отмечает Ф. Ницше в своей работе «Сумерки идолов», язык «с неотвратимостью судьбы» наставляет на «бронзовые таблички» один знак на другой. Однако язык обладает не только созидательной, но и разрушительной силой: создавая определенные «миры», язык разрушает их и заменяет новыми.

В своем объяснении происхождения языка Ницше под влиянием работ Ланге пытается как бы «примирить» идеализм с материализмом. С одной стороны, он говорит о человеке и его языке как о представлениях «абсолютной воли» (ср. теорию происхождения языка *fozst*). Отсюда его объяснение происхождения языка на основе непроизвольных выкриков (междометий), которые возникают в состоянии экстаза и являются реакцией на определенное первое раздражение (ср. [42]), приводящее в движение Волю с последующим многократным отражением последней в виде символов или образов. Он подчеркивает уникальность бессознательного образного языка индивида, индивидуальной метафоры, «не поддающейся классификации». С другой стороны, однако, он говорит об определенном «соглашении» между людьми в использовании слов (т. е. метафор) в том или ином человеческом сообществе (*fozst*). Он считает, что творческое преобразование первого стимула в образы (ср. «психофизику» Фехнера, закон Вебера о соотношении ощущений и стимулов) — это основа основ любого понятия, но вместе с тем признает сознательный язык образом образа, символом символа, метафорой метафоры. Именно этот «барьер», по Ницше, одновременно является и стимулом для развития языка [43, 44].

Книга К. Кроуфорд заполняет существенный пробел в истории лингвистической мысли конца XIX — начала XX в. и является ценным вкладом в исследование становления лингвистики как науки. Хорошее знание философских и лингвистических течений рассматриваемого и последующего периодов, широта и акрибия текстовых сопоставлений, прекрасное владение филологическими методами, дающими возможность создать цельную картину лингвистической концепции Ницше на основе выбираемых буквально по крупицам из его работ отрывочных замечаний и вкраплений, — все это дает возможность оценить книгу К. Кроуфорд как крупное достижение современной философско-лингвистической историографии. К. Кроуфорд открыла для науки о языке Ницше-филолога — ученого-новатора, наместившего еще в XIX в. контуры наиболее престижных направлений теоретического языкознания грядущего столетия. В книге К. Кроуфорд перед нами предстают не отдельные аспекты лингвистической концепции Ф. Ницше (как в работах ее предшественников), а прослеживается в своем становлении цельная концепция языка, созданная Ф. Ницше и неоднократно модифицированная им на протяжении его творческой жизни. В этом огромная заслуга исследования К. Кроуфорд.

1. *Danto A.* Nietzsche as philosopher. N. Y., 1965.
2. *Man P. de* «Rhetoric of tropes» and «rhetoric of persuasion» // *Allegories of reading.* New Haven, 1979.
3. *Derrida J.* Eperons. P., 1976.
4. *Ungeheuer G.* Nietzsche über Sprache und Sprechen, über Wahrheit und Traum // *Nietzsche Studien.* 1983. № 12.
5. *Grimm R. K.* Nietzsche's theory of knowledge. B., 1977.
6. *Kofmann S.* Nietzsche et la métaphor. P., 1972.
7. *Nehamas A.* Nietzsche: Life as literature. L., 1985.
8. *Rey J.-M.* L'enjeu des signes. P., 1971.
9. *Stern J. P.* A study of Nietzsche. Cambridge, 1979.
10. *Strong T.* Friedrich Nietzsche and the politics of transfiguration. Berkeley, 1975.
11. *Schacht R.* Nietzsche. L., 1983.
12. *Ouyes C. Ф.* Тропами Заратустры. М., 1976.
13. *Foucault M.* The order of things / Translated by Laing R. D. N. Y., 1973. P. 305.
14. *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977.
15. *Oehler M.* Nietzsche's Bibliothek. Wiesbaden, 1942.
16. *Nietzsche F.* Sämtliche Werke. Kritische Studienausgabe / Hrsg. von Colli G. und Montinari M. Berlin; München, 1980.
17. *Nietzsche F.* Gesammelte Werke. Musarionausgabe. München, 1920—1929.
18. *Nietzsche F.* Werke und Briefe. Historisch-kritische Gesamtausgabe. München, 1933—1942.
19. Nietzsche's Werke. Leipzig, 1901—1913.
20. *Nietzsche F.* Zur Genealogie der Moral. Leipzig, 1887.
21. *Jakobson R.* Linguistics. Main trends of research in the social and human sciences. I. Paris; The Hague, 1970. P. 438.
22. *Jacob F.* The linguistic model in biology // *Roman Jakobson. Echoes of his scholarship* / Ed. by Armstrong D., Schooneveld C. H. Lisse, 1977.
23. *Гамкрелидзе Т. В. Р.* Якобсон и проблемы изоморфизма между генетическим кодом и семиотическими системами // ВЯ. 1988. № 3.
24. *Бельтюков В. И.* Аналогии между языковой и генетической знаковыми системами // Теоретические и прикладные исследования психологии речи. М., 1988.
25. *Гельфанд М. С.* Коды генетического языка и естественный язык // ВЯ. 1990. № 6.
26. *Плунгин В. А.* О работах группы формальной лингвистики Парижского университета — VII // ВЯ. 1988. № 5.
27. *Маковский М. М.* Лингвистическая генетика. М., 1991.
28. *Crawford C.* What light does linguistics, and especially the study of etymology, throw on the evolution of moral concepts // *The paradigm exchange.* II. University of Minnesota, 1987.
29. *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 293.
30. *Маковский М. М.* Удивительный мир слов и значений. Иллюзии и парадоксы в лексике и семантике. М., 1989.
31. *Shibles W. A.* Metaphor. An annotated bibliography and history. Whitewater (Wisconsin), 1971.
32. *Shibles W. A.* Philosophical pictures. Dubuque (Iowa), 1969.
33. *Baer Eug.* Friedrich Nietzsche // *Encyclopedic dictionary of semiotics* / General editor Sebeok Th. A. T. 2. Berlin; New York; Amsterdam, 1986. P. 606—607.
34. *Степанов Ю. С.* Семиотика, М., 1971.
35. *Лосев А. Ф.* Знак, символ, миф. М., 1982.
36. *Почепцов О. Г.* Языковая ментальность: способ представления мира // ВЯ. 1990. № 6.
37. *Петров В. В.* Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу // ВЯ. 1990. № 3.
38. *Петров В. В.* Идеи современной феноменологии и герменевтики в лингвистическом представлении знаний // ВЯ. 1990. № 6.
39. *Possible worlds in humanities* / Ed. by Allen S. B., 1988.
40. *Ladd G. T.* Philosophy of knowledge. N. Y., 1897.
41. *Степанов Ю. С.* В трехмерном пространстве языка. М., 1985.
42. *The genesis of language and speech. A different judgement of evidence* / Ed. by Landsberg M. E. B., 1988.
43. *Mittasch A.* Friedrich Nietzsche als Naturphilosoph. Stuttgart, 1952.
44. *Del-Negro.* Die Rolle der Fiktionen in den Erkenntnislehre F. Nietzsches. München, 1923.